

Песни западных славян — эпизод 4 из 11

Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, узнаешь сам.
С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
Это что под горою там видно?
Отвечает Марко Якубович:
То кладбище наше родовое.
Говорит незнакомый прохожий:
Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго.
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
Три дня, молвил, ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин.
Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле.

Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.
Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,
Посмотрел на ребенка и молвил:
Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака¹⁹, поверь мне.
Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят, труп румяный и свежий,
Ногти выросли, как вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трескали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.
Калуер могильною землею²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
Помнишь? ровно тому две недели,

В эту пору умер злой прохожий.
Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.
На другие сутки в ту же пору
Лес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марка;
Но старик молитвой его прогнал.
В третий день вошел карлик малый,
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.
Черногорцы? что такое?
Бонапарте спросил.
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам.
Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.
Нам сдаваться нет охоты,

Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...
Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,
Вот они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.
Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!
Ружья грянули, упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.
Дружным залпом отвечали
Мы французам. Это что?
Удивясь, они сказали,
Эхо, что ли? Нет, не то!
Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.
И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.
Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота

Рано молодца женили;
А вторая-то забота
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широко,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.
Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?